

Социокультурная специфика российской журналистики и современные тенденции развития информационного поля России

Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг

Социокультурная специфика российской журналистики во многом определяется тем, что российские СМИ с момента своего возникновения имели своей аудиторией не просвещенную публику (как это было в странах Запада), а просвещенную бюрократию. Отечественные СМИ возникают по инициативе самой власти как инструмент трансляции утилитарной информации сверху вниз. Поскольку государство инициировало развитие СМИ, оно стремилось найти в журналистах пропагандистов и разъяснителей своих начинаний, а отнюдь не независимых посредников между собой и никогда не существовавшим в России гражданским обществом.

Соответственно в той мере, в какой отечественные СМИ чувствовали себя независимыми, они ставили перед собой задачу донести до высших лиц государства сведения «о нуждах, теснотах, разорении и всяких недостатках, чтобы те могли во всем поправить как лучше» (Ключевский В.О. Русская история. Кн. 2. М., 1993. С. 201.), т.е. выступали в традиционной для России роли мирского челобитчика и ходатая по мирским делам. Именно с этих позиций выступал бесцензурный герценовский «Колокол», в котором с первых номеров на все лады повторялась мысль о том, что из-за отсутствия гласности правительство отнимает у себя возможность знать правду и что гласность нужна для того, чтобы власти лучше понимали, что делается у них в стране.

Российская концепция гласности как нельзя более далека от западной концепции свободы слова, поскольку

последняя основывается на протестантском убеждении в том, что у Истины «может быть не один образ» (Мильтон Дж. Ареопагитика /История печати: Антология. М., 2001. С. 60.) и что она может быть раздроблена между множеством носителей, а первая исходит из традиционного для российского православия тезиса о существовании привилегированного субъекта коммуникации, обладающего монополией на трансляцию Истины. Отсюда неизбежность постоянных и очень острых конфликтов между государством и журналистами (точнее, литературными критиками) за право быть единственным транслятором Истины и учить ей другую сторону.

Характерно, что как только когда журналисты все-таки пришли к власти (как известно, В.И. Ленин считал себя именно профессиональным публицистом), они создали государство, в котором носитель верховной власти присвоил себе права верховного критика, и выстроили целую иерархию привилегированных субъектов коммуникации. Дезинтеграция этой иерархии не привела, однако, к оправданию свободы слова, о чем, в частности, свидетельствует неспособность как современных российских властей, так и, что важнее, общества смириться с самим фактом существования «торговой журналистики», ориентированной не на поиск Истины, а на торговлю высококачественной информацией.

Поэтому дальнейшее развитие российской журналистики всецело определяется тем, насколько успешным окажется очередной этап рецидивирующей российской

модернизации, и насколько привыются на отечественной почве структуры гражданского общества. Пока каждый этап модернизации только усиливает традиционные черты русской культуры. Об этом, в частности, свидетельствует и конфликт вокруг «НТВ». Бросается в глаза, что в процессе развития этого конфликта произошел отказ «НТВ» от следования западным нормам свободы слова (предполагающим объективность, беспристрастность, полноту сообщаемой информации) и возвращение к отечественным нормам, в основе которых – восприятие себя в качестве единственного транслятора Истины. Лучшее всех эту позицию описал Н.А. Некрасов в стихотворении, посвященном

Н.Г. Чернышевскому: «его послал Бог гнева и печали/ Царям земли напомнить о Христе». Возвращение к этой нормальной для отечественных оппозиционных СМИ позиции превращает конфликт «НТВ» с государством во вполне традиционный и еще раз подчеркивает крайнюю устойчивость ментальных структур, которые определяют функционирование отечественных СМИ. Пока эти структуры вполне успешно противостоят информационной революции, так что обращенная к цензору максима Пушкина, подводящая итог перспективам российского свободного слова – «что нужно Лондону, то рано для Москвы», остается в полной силе.

О чем трещат дрессированные попугаи?

М.А. Фадеичева

«Быть здесь слушателем – несравненное преимущество. Не всякий имеет уши для Заратустры»

Фридрих Ницше

Ценя заботу государства о нашей информационной безопасности и понимая, сколько еще у него важных дел, хочется бремя этой заботы оставить на своих плечах. Тем более, к этому просто обязывает Статья 19 Всеобщей декларации прав человека, где говорится, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их, что это право включает в себя «и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Иными словами, каждый, кто в состоянии нажать на кнопку пульта или приемника, может беспрепятственно это делать. Однако к чудесам техники следует

подключить и чудо природы – здравый смысл. Это нужно для того, чтобы через интеллектуальное сито пропустить информацию, отжать, оставив необходимое, чтобы не стать жадной и голодной рыбой, заглатывающей любую, даже голый крючок.

Как известно, «имеющий уши, да слышит». Но эта затасканная сентенция неверна. Уши – лишь объективная предпосылка для слушания. Чтобы слышать, нужно уметь проделывать некую мыслительную процедуру, уметь осуществлять интеллектуальную аускультацию, критическое вслушивание с целью воссоздания подлинной картины событий.

Согласно данным вольных социологических исследований, самый критичный и пытливый слушатель составляет аудиторию радио «Свобода». Этот вывод свидетельствует о существовании тонкой социальной страты, выбравшей свободу в качестве